

Янь Жосюэ рассмеялась:

“Ха-ха, точно, сестра Сичжэнь, ты ведь тоже наша хорошая сестрёнка!”

Ли Сичжэнь возмутился:

“Кто тебе сестра?!”

Сюй Цинхэ: “Угу-угу, тогда ты наша младшая сестра!”

Янь Жосюэ: “Ха-ха-ха-ха”.

Даже стоявшие рядом Тан Юшу и Ло Цзяшэн не смогли сдержать улыбок.

Лицо Ли Сичжэнь слегка потемнело.

Ло Цзяшэн заметил это и в шутку добавил: “Если уж на то пошло, тогда мы с Юшу — настоящие сёстры”.

Тан Юшу замахал руками: “Нет-нет, так не пойдёт. С моей внешностью, если меня станут звать “сестрой”, девчонки точно в обморок попадают”.

Вопреки своему поэтичному имени, он выглядел крепким и неотёсанным, да ещё с лысиной, оставшейся после съёмок предыдущего шоу, и в простой футболке — словно хулиган, готовый в любой момент влезть в драку.

Если его кто и назовёт “сестрой”, то это действительно тяжело воспринять.

Все снова громко расхохотались, даже Ли Сичжэнь немного смягчился.

Но тут Янь Жосюэ взглянула на Сюй Цинхэ и сказала: “Цинхэ, а ты не хочешь попробовать косплей? Точно сразишь всех наповал!”

Сюй Цинхэ: “Ни за что! Если я переоденусь, сколько девушек останутся с разбитыми сердцами? Их “муж” больше не будет прежним!”

Остальные: “.....”

После чего снова раздался громкий смех.

С этим весёлым отвлечением тема слухов будто была закрыта. Если только монтажёры не выкинут этот момент из эфира.

*

Когда пришло время готовить обед, с угрём ещё было терпимо, но лягушки вызвали у всех... лёгкое оцепенение.

Надо понимать, у бычков* (*лягушка-бык или лягушка-вол — один из самых крупных видов) очень чувствительная нервная система. Даже после того, как им отрубают голову, лапы продолжают дёргаться, что выглядит довольно жутко.

Первой сдалась Янь Жосюэ — бросила нож и убежала: “А-а-а! Это слишком жестоко! Как в ресторанах вообще такое делают?!”

Следующим был Ли Сичжэнь. Он раньше презирал Янь Жосюэ за “женственность” и вызвался сам.

Янь Жосюэ не обиделась ни капли и с радостью уступила: “Точно-точно, я женственная, уступаю! Если не возьмёшься — ты не мужик!”

Ли Сичжэнь решительно вышел вперёд, схватил лягушку, взмахнул ножом, отрубил голову, промыл тушку под краном и выложил на разделочную доску.

“Видите? Всё очень просто”.

Янь Жосюэ зажала глаза рукой, оставив между пальцами щёлочку, и поторавливала его: “Снимай кожу, давай быстрее!”

“Не торопи, не торопи”, — Ли Сичжэнь начал сдирать кожу: “Ой... Чёрт! Почему она всё ещё шевелится?”

Хотя он не отскочил, руки у него замерли и лицо стало не очень.

Янь Жосюэ аж загорелась: “Ну давай уже! Это всего лишь лягушка, она тебя что, съест?”

Ли Сичжэнь стиснул зубы и продолжил. Во время процесса лягушка всё время дёргалась, как будто в предсмертной агонии.

Когда с этой было покончено, Ли Сичжэнь даже не проверил, хорошо ли очистил её, просто бросил нож и пошёл мыть руки, при этом возмущаясь: “Это вообще не моя работа! У кого

задача, тот пусть и делает!”

Янь Жосюэ: “Пф, тоже мне, мужчина нашёлся”.

Ли Сичжэнь сделал вид, что не услышал.

Янь Жосюэ обратилась за помощью к Тан Юшу:

“Брат Юшу, хочешь попробовать? Давай поменяемся, я могу убить угря!”

Тан Юшу, ставший свидетелем всего этого, нерешительно сказал:

“Вообще-то... я тоже довольно немужественный...”

Янь Жосюэ: “...”

Ло Цзяшэн не выдержал и рассмеялся: “Давай я с тобой поменяюсь, я сделаю”.

“Эй? А вы чего тут стоите?” — Сюй Цинхэ вошёл, держа корзину с вещами, и с усмешкой добавил: “Я только немного отлучился, вы что, все меня ждёте?”

Янь Жосюэ тут же подскочила к нему: “Цинхэ, ты умеешь убивать лягушек?”

“Конечно”, — ответил он. Он и раньше это делал. Он поднял корзину: “Я сходил к деревенским, достал немного периллы. Сейчас приготовлю вам — погодите”, — он прижал корзину к груди и с подозрением посмотрел на сотрудников съёмочной группы: “Я сам это добыл, вы ж не отберёте?”

Съёмочная группа за кадром: “...Не отберём”.

Янь Жосюэ с интересом:

“А за какой труд тебе это дали?”

Сюй Цинхэ небрежно: “Поболтал с деревенским дедом. Это умственный труд, у него акцент тяжёлый был”.

Все: “...”

Янь Жосюэ с укором: “Ну ты даёшь. Ладно, быстро иди убивай лягушек — это задание для нас двоих!”

Сюй Цинхэ протянул ей корзину: “Окей, я убью, а ты тогда займись чисткой”.

Янь Жосюэ напомнила ему: “Убивать лягушек всё-таки немного жестоко”.

Сюй Цинхэ похлопал её по руке: “Не волнуйся, я тоже довольно жестокий”.

Но Янь Жосюэ всё равно волновалась и, прижав к себе корзину, стояла рядом, наблюдая.

Даже группа Ли Сичжэня бросала взгляды в их сторону.

Сюй Цинхэ не обращал на них внимания. Он поймал одну лягушку, положил в тазик, достал откуда-то серебряную иглу, и — раз! — воткнул. Лягушка дёрнулась пару раз и затихла.

Сюй Цинхэ положил её на разделочную доску, отрубил голову, отрезал лапы, снял кожу — всё быстро, резко и чётко. Главное — лягушка даже не дёрнулась.

Все: “...”

Ло Цзяшэн: “Ого, ты что, тренировался?”

Сюй Цинхэ поднял иглу, вспомнил, как репетировал злодея, и с усмешкой сказал: “Эта игла не только парализует нервы у лягушки, она и человека убить может. Чуак ... — и всё, человек парализован”.

Все: “...”

Янь Жосюэ поёжилась и потрогала руку: “Не говори так, жутко”.

Ли Сичжэнь тоже нахмурился и отступил на два шага: “Ты что, медицину изучал? Откуда ты всё это знаешь?”

А вот Ло Цзяшэн и Тан Юшу удивлённо уставились на него.

Тан Юшу похвалил: “Цинхэ, у тебя отличная актёрская игра! Вошёл в образ злодея — как будто ты всегда их играл. А я ведь не припомню, чтобы ты играл злодея?”

Сюй Цинхэ подмигнул, сбросил с себя образ и сказал: “Не играл. Только тренировался”.

Тан Юшу слегка удивился, потом кивнул:

“Молодёжь уже наступает на пятки. Похоже, пора передавать эстафету вашему поколению”.

Сюй Цинхэ: “Да ладно, брат Юшу. Даже через десять лет ты всё ещё сможешь играть моего старшего брата. Давай вместе играть злодеев!”

Тан Юшу рассмеялся и радостно согласился.

Ли Сичжэнь только собрался вставить саркастический комментарий, но, услышав, как Тан Юшу хвалит Сюй Цинхэ, закатил глаза и передумал.

Зато Янь Жосюэ с любопытством спросила у Сюя Цинхэ: “А откуда у тебя игла?”

Сюй Цинхэ с прищуром улыбнулся: “Попросил у деревенского жителя. Это ж не какая-то дорогая вещь, поболтали и он дал. Заодно ещё и корзинку с периллой вручил”.

“А-а-а, значит, когда ты сказал, что отлучишься ненадолго, ты пошёл за иглой?”

“Конечно”.

Янь Жосюэ снова закатала рукава: “Ладно, только пусть она не дёргается — тогда я смогу взяться за дело”.

Сюй Цинхэ покачал головой: “Иди лучше помой периллу. Лягушек тут всего ничего, я быстро справлюсь”.

Янь Жосюэ взглянула на корзину с лягушками, немного поколебалась, но всё же кивнула.

С тех пор как Сюй Цинхэ взялся за разделку лягушек, а потом ещё и за готовку, дело пошло гораздо быстрее.

Не прошло и часа, как всё было готово: лягушка с периллой, лягушка с чесноком, жареный угорь, тушёный угорь и два блюда из сезонных овощей — обед был полным.

После обеда немного поболтали. И съёмочная группа снова выдала задание — пора готовить ужин.

Все дружно застонали: “Какая тяжёлая жизнь!”, “Прямо как Янг Байлао*!”, но послушно приняли карточки с заданиями.

(*Янг Байлао — литературный персонаж из китайской оперы “Белая чайка”, символ бедности и страданий.)

*

Опять нужно было разделить на две группы. Одной — копать оставшуюся в деревне картошку, другой — собирать соевые бобы и длинную фасоль. Эти продукты потом нужно было обменять у съёмочной группы на другие ингредиенты, так что это считалось работой на благо программы.

По первому взгляду было ясно, что собирать бобы и фасоль легче, так что эту задачу тут же отдали Янь Жосюэ.

Но раз там два вида овощей, нужен был ещё один человек.

Ли Сичжэнь вскочил и с подозрением уставился на Сюй Цинхэ: “Только не говори, что ты опять в одну команду с ней пойдёшь? Постоянно с ней!”

Сюй Цинхэ: “...Я не пойду. Мы с сестрёнкой Жосюэ уже спровоцировали слухи. Надо разойтись, развеять сплетни!”

Все: “... (инстинктивно посмотрели в камеру)”

Сюй Цинхэ тоже повернулся к камере и спросил у съёмочной группы: “Эту часть не вырежете, надеюсь?”

Сотрудники сухо рассмеялись: “Это... зависит от режиссёра”.

Сюй Цинхэ: “Ладно, я попрошу своего агента обсудить это с режиссёром!”

Съёмочная группа: “...”

Все: “...”

Янь Жосюэ возмущённо:

“Эй, я, между прочим, тоже цветочек! И ты вот так меня избегать собрался?”

Сюй Цинхэ помахал пальцем: “Я не выношу, когда кто-то красивее меня — это вопрос чести, я ведь айдол!”

В любом случае, старший Пэй не красивее его.

Янь Жосюэ: "..."

Все: "..."

Сотрудник съёмочной группы тихо сказал: "Учитель Сюй, вот эту фразу точно не вырежем".

Сюй Цинхэ: "...Вот её как раз и **ВЫРЕЖЬТЕ!!**"

Все: "ХАХАХАХАХАХА!"

*

В конце концов все решили, что за сбор длинной фасоли отправится постоянный гость программы — Ло Цзяшэн.

Он уже давно ведущий, человек в возрасте, старший товарищ — ему самое место пойти.

Трое молодых и крепких парней с корзинами за спиной отправились вместе с сотрудниками на картофельное поле.

Тан Юшу ещё пытался их утешить: "Картошку ведь давно уже должны были выкопать, сейчас уже поздно, вряд ли там что-то осталось".

Но когда они подошли к полю, сотрудник сделал широкий жест...

Перед ними — целый му.

Ли Сичжэнь в шоке: "Ты это называешь "почти всё выкопали"?"

Сюй Цинхэ тихо добавил: "Видно, деревенские тут живут небедно..."

Тан Юшу с обречённой улыбкой поставил корзину на землю, взял мотыгу: "Ладно, работаем".

К счастью, им не нужно было выкапывать весь му — достаточно было наполнить три корзины.

Копали, рыхлили землю — за этим занятием прошёл час с лишним. Хоть солнце к четырёх-пяти часам уже не такое палящее, всё равно жарко.

Даже такой активный парень, как Сюй Цинхэ, выбился из сил.

Ли Сичжэнь плюхнулся на край поля: “Всё, больше не копаю! Кто хочет — пусть сам и копает!”

Тан Юшу тоже сел рядом: “Устали до смерти... Съёмочная группа просто убивает нас”.

Сюй Цинхэ выпрямился, взглянул на выкопанную картошку, потом на то, что в корзинах. Прикинул и сказал: “Думаю, хватит”.

Оба тут же оживились:

“Точно?”

Когда Сюй Цинхэ и сотрудники подтвердили, парни снова вскочили и, тяжело дыша, принялись собирать картошку в корзины.

Всё и правда было почти готово. Не хватало каких-то триста грамм — сотрудники сделали вид, что не заметили.

На обратном пути случился небольшой инцидент...

Когда Ли Сичжэнь понёс корзину с картошкой, та оказалась слишком тяжёлой. Он не удержался на ногах, упал навзничь — как перевёрнутая черепаха. Корзина стала ему панцирем, а он сам беспомощно шевелил руками и ногами, но так и не смог перевернуться обратно.

Сюй Цинхэ и Тан Юшу тут же рассмеялись до слёз.

Сюй Цинхэ опустился на одно колено рядом с Ли Сичжэнем, распахнул руки, словно что-то держал в них, и, смеясь, напомнил съёмочной группе: “Не забудьте потом добавить субтитры — типа “миленькая черепашка”, “Ли Сичжэнь, лапками кверху””.

Только избавившись от корзины, Ли Сичжэнь смог встать и, раздражённый, воскликнул: “Сюй Цинхэ, ты что, подражаться хочешь?”

Сюй Цинхэ отмахнулся: “Да ну, не до драки — я только что выкопал целую корзину картошки, кто захочет с тобой драться”.

Он наклонился, чтобы поднять корзину, вскинул её на спину со звуком “хэй-хёу!” ...

И застыл.

Ли Сичжэнь с презрением: “Что, не можешь поднять? Ещё смеялся над другими?”

Сюй Цинхэ: “...Брат Чжэнь, поддержи меня. Спину потянул”.

Уильям, который всё это время сидел на краю поля и жевал травинку, наблюдая за сценой, подскочил и помог снять корзину. Затем с иностранным акцентом спросил: “Ощущение, что кость сломалась?”

Сюй Цинхэ поморщился, пощупал поясницу: “Вряд ли, скорее всего мышцу потянул”.

Затем, сообразив, что его снимают, обернулся к камере: “Эй, это точно вырежут, да?”

Оператор поспешно: “Вырежем, обязательно вырежем”.

Уильям подхватил Сюй Цинхэ под руку: “Пойдём, я посмотрю. У меня с собой есть лекарства. Если это просто растяжение, продолжим. Если нет — поедем в больницу”.

“Хорошо”.

*

Так что тем же вечером сотрудники съёмочной группы и остальные участники, включая Янь Жосюэ, с изумлением наблюдали, как вертолёт приземлился на ровной площадке у въезда в деревню и забрал Сюй Цинхэ и его высокого и крепкого иностранного помощника.

Все в оцепенении смотрели, как вертолёт исчезает за горизонтом.

Ли Сичжэнь: “...Чёрт возьми, это “Сюйян” так заботится о своих артистах?”

Янь Жосюэ: “...” — Скорее, это босс “Си Хэ” заботится о своём артисте.

Она подумала о наследнике кинокомпании “Чжэньхэ”, с которым сейчас встречалась.

Подумаешь, вертолёт... Один полёт — десятки тысяч, если далеко — и до сотни. Самое сложное — это договориться об изменении маршрута.

Если бы это был наследник кинокомпании “Чжэньхэ”, он мог бы так поступить.

Но что он скажет?

Слишком громко — это плохо.

Слишком роскошно — это плохо.

Слишком затратно — это плохо.

Она вдруг поняла.

Это она слишком громко, слишком роскошно и слишком затратно живёт?

Это она в глазах других, черт возьми, не стоит таких затрат!!!

*

Запись трёхдневной программы “Спокойная жизнь” завершилась, когда вертолёт забрал Сюй Цинхэ.

Фанаты всё ещё спорят в комментариях под официальным аккаунтом, ожидая выхода основной серии, а личный аккаунт Янь Жосюэ опубликовал объявление о расторжении контракта с “Синь Юэ”, а оставшиеся несколько концертов будут переданы новой агентской компании.

Затем она отметила [@СюйЯнКультура — @Янь Жосюэ: @СюйЯнКультура, подписываете певцов? Я — королева сладких песен или ещё @СюйЦинхэ хорошая сестра!]

Сюй Цинхэ, который в этот момент восстанавливался дома: “...”

Сестры, да? Этот мем теперь не закончится, да?

<http://bllate.org/book/15131/1337251>